

Визуализация «красной обрядности» в 1920–1930-е годы: «комсомольское рождество» и «комсомольская пасха»

ЕЛЕНА В. ГОЛОВНЕВА

Рекомендация для цитирования:

Головнева Е. В. Визуализация «красной обрядности» в 1920–1930-е годы: «комсомольское рождество» и «комсомольская пасха» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2025. № 2 (43). С. 133–156.

For citations:

Golovneva, E.V. (2025) "Visualization of the "Red Rites" in the 1920s–1930s: "Komsomol Christmas" and "Komsomol Easter", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 2 (43): 133–156.

Поступила в редакцию: 03.02.2025; прошла рецензирование: 26.02.2025; принята в печать: 01.04.2025.

Received: 03.02.2025; Revised: 26.02.2025; Accepted for publication: 01.04.2025.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2025 by the author

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). golovneva.elena@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0709-4615

В статье рассматривается эволюция визуальной политики СССР в 1920–1930-е годы. в сфере разработки «красной обрядности» и осуществления (анти)религиозной пропаганды. В качестве источников вводятся в научный оборот материалы журнала «Анти-религиозник» и архивные антирелигиозные документальные кинокартины, посвященные «комсомольскому рождеству» (1923 г.) и «комсомольской пасхе» (1925 г.). Утверждается, что в 1920-е годы концепция разработки «красных обрядов» — «комсомольского рождества» и «комсомольской пасхи» — получает теоретическое осмысление в работах партийных деятелей-антирелигиозников (Н. К. Крупской, Л. Д. Троцкого, Е. М. Ярославского, А. В. Луначарского, И. И. Скворцова-Степанова). Эта концепция базировалась на инверсии главных христианских праздников (Рождества и Пасхи) и рассматривалась пропагандистами как эффективное средство конструирования квазирелигиозной модели новой советской реальности. Однако «красные обряды» не стали функциональным эквивалентом религиозных ритуалов. Делается вывод, что в связи с изменением официального партийного социально-экономического курса, концентрацией на решении вопроса о коллективизации и индустриализации в 1930-е годы происходит окончательный отказ от «карнавальности» в советской обрядности в сторону расширения админи-

стративно-политического дискурса. Наблюдается переход к развертыванию в СССР идеологических «антирождественских» и «антипасхальных» кампаний, а в антирелигиозной визуальной политике 1930-х годов на первый план выходят вопросы репрезентации классово, эксплуататорской сущности религии.

Ключевые слова: антропология религии, визуальные исследования, религия в СССР в 1920–1930-е годы, антирелигиозная пропаганда, социалистические обряды, антирелигиозный фильм

Visualization of the “Red Rites” in the 1920s-1930s: “Komsomol Christmas” and “Komsomol Easter”

Elena V. Golovneva

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia). golovneva.elena@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0709-4615

The article considers the evolution of the visual policy of the USSR in the 1920s and 1930s in the sphere of “red rites” and (anti)religious propaganda. The materials of the journal “Antireligioznik” and archival antireligious documentary films “Komsomol Christmas” (1923) and “Komsomol Easter” (1925) are introduced into scientific circulation as sources. It is argued that in the 1920s the concept “red rites” — “Komsomol Christmas” and “Komsomol Easter” — was theoretically developed in the works of prominent party figures (N.K. Krupskaya, L.D. Trotsky, E.M. Yaroslavsky, A.V. Lunacharsky, I.I. Skvortsov-Stepanov). This concept was based on the inversion of the main Christian holidays (Christmas and Easter) and was considered by propagandists as an effective means of constructing a quasi-religious model of the new Soviet reality. However, the “red rites” did not become a functional equivalent of religious rituals. It is concluded that, in connection with the change in the official party socio-economic course in the 1930s there was a final rejection of the “carnival” in Soviet rituals in favor of expanding the administrative-political discourse. There is a transition to the development of ideological “anti-Christmas” and “anti-Easter” campaigns in the USSR as well as in the anti-religious visual policy of the 1930s representing the class, exploitative essence of religion.

Keywords: anthropology of religion, visual studies, religion in the USSR in the 1920s-1930s, anti-religious propaganda, socialist rituals, anti-religious film

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00277 «“Визуальный атлас конфессий”: (анти)религиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-е годы», <https://rscf.ru/project/25-28-00277/>

The study was funded by the Russian Science Foundation — research project No. 25–28–00277 “Visual Atlas of Confessions”: (Anti)religious Propaganda in the USSR in the 1920s–1930s’, [https://rscf.ru/project/25–28–00277/](https://rscf.ru/project/25-28-00277/)

Эй, друзья, берись за дудку,
Жарь на новую погудку,
К бису батьку и амвон.
Под пасхальный перезвон
Выкомаривай под пляску
Комсомоловскую пасху

Вит. Жемчужный. «Пасхальный сдвиг»¹

Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-х годах была связана с созданием конкурирующих атеистических нарративов, призванных укорениться как в общественной жизни, так и в быту советских граждан. В том числе важное место среди антирелигиозных практик молодого Советского государства занимала разработка «красной обрядности», альтернативной христианским праздникам. С одной стороны, эта новая ритуальность воплощала революционную мечту о трансформации общества и человеческой природы в целом, с другой — представляла собой своеобразный эксперимент в сфере «богоборческого движения». Обрядотворческая деятельность 1920–1930-х годов была гибридной по своей сути. В ней сочетались революционные и квазирелигиозные начала — рождественская звезда заменялась красной звездой, демонстрация участников с красными знаменами подменяла собой «крестные ходы» с иконами, пение революционных песен являлось альтернативой церковным песнопениям. Здесь обнаруживалась та гносеологическая особенность религиозного познания, о которой писал К.Г. Юнг: «Маршевая музыка, знамена, полотнища с лозунгами, парады и колоссальные митинги по существу ничем не отличаются от молебствий, стрельбы и огней для изгнания бесов»².

В этом отношении новая советская «красная обрядность» демонстрирует возможности реализации религиозного дискурса, ключевыми особенностями которого являются символизм,

¹ О религии, Христе и Пасхе. Пособие по антирелигиозной пропаганде. М.: Изд-во «Долой неграмотность», 1925. С. 190.

² Юнг К. Г. Современность и будущее. Минск: Университетское, 1992. С. 15.

трансцендирование, авторитаризм, традиционализм, утопизм³ в иных, атеистических, реалиях. Религиозное здесь выделяется не по предмету, а по набору постулатов, лежащих в основе религиозного взгляда на мир в целом. Не случайно в рамках такого понимания различные виды идеологии (в том числе коммунизм) часто трактуются как новые формы религии. Ученый-северовед В. Г. Богораз, организовавший в Ленинграде в 1930 году антирелигиозную выставку, отмечал: «Сущность религии меняется мало... старая сущность религии, оттесненная на время революцией и новым идеологическим содержанием, быстро возрождается и воскресает с какой-то упертостью»⁴. Возникает феномен «атеистического фидеизма», представляющий собой квазирелигиозные формы социалистической веры⁵.

В научных исследованиях к настоящему времени проблематика социалистической обрядности нашла отражение в целом ряде работ отечественных и зарубежных авторов⁶. Между тем вопросы роли визуальной политики в реализации (анти)религиозных программ, экранного конструирования «советской религии» (включая документальные опыты проведения «красных обрядов») и условного замещения религии зрелищными видами искусства (заполнение народного досуга, популяризация советских «идолов», создание формулы и языка «марксистского фильма» с неперменным антирелигиозным акцентом, перемещение кинотеатров в храмы и пр.) изучены еще в недостаточной степени. В данной работе на основе текстовых (материалы журнала «Антирелигиозник», исторические и современные исследования) и визуальных источников (антирелигиозные документальные кинокартины, выставочно-экспозиционные материалы) предлагается проследить эволюцию визуальной политики раннесоветского общества в области антирелигиозной пропаганды в целом и разви-

³ Головнева Е. В., Мартишина Н. В. Религиозное познание: сущность, специфика, ареал // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (31). С. 9–15.

⁴ Богораз В. Г. Эволюция религиозных верований. Курс лекций (1927–1928 гг.) / сост. М. М. Шахнович. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 348.

⁵ Шохин В. К. Феномен атеистического фидеизма // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. Вып. 2. С. 6–18.

⁶ Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О. Б. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2021; Тульцева Л. А. Комсомольские, антирелигиозные [праздники и обряды 20-х годов] // Наука и религия. 1978. № 10. С. 44–45; Peris, D. (1998) *Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless*. Ithaca, NY: Cornell University Press. и др.

тия обрядотворческой деятельности (на примере «комсомольского рождества» и «комсомольской пасхи») в частности.

«Комсомольские карнавалы» в антирелигиозной пропаганде: политика визуализации в 1920-е годы

В 1920–1930-е годы пилотные антирелигиозные мероприятия советской власти были направлены в первую очередь против православной церкви⁷. В период «социалистической реконструкции» именно главные православные праздники (Рождество и Пасха) стали важной разновидностью (анти)религиозной обрядности, превратившись в «комсомольские карнавалы». Официальное утверждение руководством ЦК РСМ документа «О кампании Комсомольского Рождества» от 24 ноября 1922 года означало, по сути, начало системной антирелигиозной пропаганды в СССР. В документе декларировалось, что «празднество должно использовать основные рождественские обычаи, вкладывая в них коммунистическое содержание»⁸.

«Красные обряды» выступали своеобразной *soft power* антирелигиозной агитации 1920–1930-х годов. По замечанию американского исследователя Грегори Фриза, в 1923 году советская власть отказалась от «лобового» наступления на религию, конфронтацию с ней в пользу более сдержанного политического курса⁹. В этом же году появляются первые тексты крупнейших идеологов партии большевиков, в которых разработка «красных обрядов» получает теоретическое осмысление. С одной стороны, эта концепция отражала поиск советской властью наиболее эффективных средств ведения антирелигиозной работы и имела экспериментальный характер, а с другой — являлась способом идеологической консолидации молодого советского общества. Наиболее активными теоретиками «красных ритуалов» в 1920-е годы были Н. К. Крупская, Л. Д. Троцкий, Е. М. Ярославский, А. В. Луначарский и И. И. Скворцов-Степанов.

⁷ Смолкин В. Свято место пусто не бывает. С. 51.

⁸ Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1992. С. 31.

⁹ Freeze, G. (2017) "Confessions in the Soviet era: Analytical Overview of Historiography", *Russian history* 44 (1): 14.

Так, Крупская в работе «Религия и женщина» подчеркивала, что советское искусство еще не стало народным, «не спустилось в низы, летает по поднебесью». Она писала:

Искусство больше всего захватывает тогда, когда... человек сам принимает участие в массовом действии. В католической церкви молящиеся поют хором, в нашей крестятся, кланяются, падают на колени, лезут под икону, участвуют в крестных ходах, одним словом, приобщаются к массовому действию... надо наладить демонстрации... надо организовать свои коммунистические карнавалы и особую втянуть во все это работницу и крестьянку¹⁰.

Троцкий в 1920-е годы также отмечал, что атеистическая пропаганда, обращенная к разуму, едва ли будет иметь результат. Старая обрядность может быть вытеснена только «новыми формами быта, новыми развлечениями». Он указывал на эстетическую потребность народных масс — «потребность в театральности» — и выступал за продвижение художественных инициатив в создании новых форм быта на местах. Например, традиционному богослужению, по мнению Троцкого, нужно противопоставлять кинематограф как эффективное средство, способное уничтожить религиозные пережитки¹¹. В этом же ключе рассматривал кинематограф и знаменитый кинорежиссер С. Эйзенштейн, оценивая этот новый вид революционного искусства как «трактор, перепахивающий психику зрителя в заданной классовой установке»¹².

Об агитационной силе искусства «не через головы, не через рассудок, а через чувства» говорил Луначарский, согласно которому «богослужение» безусловно есть своего рода театральный спектакль, для которого «актеры»-попы одеваются в причудливые одежды; при «богослужении» царит особая торжественность... Искусство может служить громадным источником силы и мощи пролетариата¹³.

Е. М. Ярославский, председатель Союза воинствующих безбожников и Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП-ЦК ВКП, настаивал на переходе к планомерной и строго продуманной ан-

¹⁰ Крупская Н. Религия и женщина // Антирелигиозник. 1927. № 2. С. 5.

¹¹ Троцкий Л. Д. Вопросы быта: эпоха культурничества и ее задачи. М., 1923. С. 51.

¹² Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: в 6 т. М., 1964. Т. 1. С. 113.

¹³ Луначарский А. В. Искусство и религия // Антирелигиозник. 1934. № 1. С. 20–21.

тирелигиозной работе, выступив сторонником создания новой социалистической обрядности и новой визуальности. Ярославский утверждал:

Сегодня мы делаем первую попытку обращения к более широким слоям художников слова, кисти, резца и сцены, чтобы они помогли нам в этой большой работе. Ведь эта работа не может быть оторвана от всей вообще нашей творческой культурной работы, от всей нашей борьбы за переустройство человеческих отношений... Надо прямо сказать, что церкви — это *религиозные музеи*, использующие примерно 250 тысяч служителей культа как агитаторов и пропагандистов¹⁴.

По мнению Ярославского, необходимо было уделить внимание прежде всего циклу празднеств, связанных с жизнью Христа — центральной фигуры в христианском мировосприятии, и грамотно разработать методику проведения «комсомольского рождества» и «комсомольской пасхи»¹⁵.

Главным идеологом и разработчиком сценария этих «красных обрядов» был партийный деятель и антирелигиозник И. И. Скворцов-Степанов. В декабре 1922 года в газете «Правда» он отмечал:

Все выходит по Гегелю. Тезис (утверждение): языческие праздники. Антитезис (отрицание): христианские праздники. Синтезис (отрицание отрицания) — примирение тезиса и антитезиса в высшем единстве: комсомольские праздники. «Комсомольские», впрочем, только для начала, только по инициаторам, только потому что молодежь лучше всего сумеет разворочить обывательскую массу¹⁶.

В ноябре 1923 года Степановым были предложены сценарий и принципы масштабной антирелигиозной кампании с использованием музыки и танцев — «Веселого карнавала с музыкой». В программу «комсомольского рождества» также должны были входить мероприятия научно-популярного характера (чтение докладов, лекций, постановка спектаклей, литературных су-

¹⁴ Ярославский Е. М. Искусство на службе у религии и искусство безбожное // Антирелигиозник. 1929. № 2. С. 13.

¹⁵ Ярославский Е. М. Как вести антирелигиозную пропаганду. М., 1925. С. 20–21.

¹⁶ Тульцева Л. Комсомольские, антирелигиозные. С. 45.

дов и т.д.¹⁷), направленные прежде всего на коллективные формы переживания (анти)религиозного опыта.

«Комсомольское рождество»

Для утверждения идей культурной революции в общественном сознании советская власть в 1920-е годы обратилась к карнавальным зрелищным формам. Карнавализация как феномен культуры, глубоко проанализированный М. М. Бахтиным¹⁸, в советской реальности стала орудием ниспровержения несправедливого мира. Поэтика карнавала использовала типичные приемы — гротеск, пародию, каламбур, одушевление вещного, опредмечивание живого, зооморфизм, двойничество, шутовство, персонаж-маску; она соответствовала этической практике 1920-х годов и активизировала массовые виды искусства. Важнейшим из них в Советском государстве по праву стало кино с его вниманием в начале 1920-х годов к трюковому, «комическому» жанру.

7 января 1923 года было проведено первое экспериментальное «комсомольское рождество», включавшее в себя факельное шествие комсомольцев с последующим сжиганием чучел «богов» и «буржуинов», передвижные инсценировки с фигурами «пророков» и «чертей», художественно оформленные костюмы и плакаты, спектакли и пение Интернационала. Газета «Безбожник» писала в тот день:

Мы бросаем вызов всем темным силам прошлого... Не надо новому поколению никаких богов, никаких святых, ни идиолов, ни чертей, ни небесного рая, не страшен ему придуманный попами ад. Коммунистический Союз молодежи в этот день устраивает свое комсомольское рождество¹⁹.

Новый праздник был запечатлен киностудией Севзапкино, подготовившей немой черно-белый фильм «Комсомольское рождество-карнавал» (1923 г.)²⁰. Согласно монтажному листу, картина

¹⁷ Степанов И. «Комсомольское рождество», или Почему бы нам не справлять религиозные праздники // Правда. 1922. 15 ноября. С. 2.

¹⁸ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Азбука, 2021.

¹⁹ Тульцева Л. Комсомольские, антирелигиозные. С. 44.

²⁰ Комсомольское рождество-карнавал. 1923 год. РГАКФД. Фонд кинодокументов. Учетный № 1710.

содержала кадры групп людей в карнавальных костюмах, а также фрагменты театрализованного представления, посвященного комсомольскому рождеству на проспекте 25-го Октября в Петрограде. В фильме группы рабочих и моряков как будто растворялись в символах новой власти и тем самым способствовали формированию единого революционного сообщества и новой социалистической реальности — в противовес миру «богов» и «буржуинов».

Комсомольское рождество-карнавал (1923 г.)²¹

1. Общий план. Группа людей в темноте.
2. Костюмированная группа.
3. Повторение кадра № 1.
4. Группа моряков в бушлатах.
5. Костюмированная группа.
6. Костюмированная группа.
7. Костюмированная группа на грузовом автомобиле.
8. Группа в военной форме.
9. Момент инсценировки на арке.
10. Паяц.
11. То же.
12. Часть сцены, люди в костюмах, на первом плане — елки.

Атмосфера «антирождественского карнавала» царила в этот период во многих городах СССР. В Москве на Тверской улице было организовано шествие всадников с громадным плакатом «Сегодня день комсомольского рождества». За всадниками ехали автомобили с «богами» — Осирисом и Мардуком, Буддой и Иеговой, Аллахом и Христом. Следом — еще один автомобиль с «ангелами» и «чертями», грузовик с «попами», «раввинами», «муллами», «шаманами», «ксендзами» и «пасторами». В старой калоше везли «живую церковь», на особом грузовике — производственную выставку ВСНХ, ряженных с резиновыми шинами, телефонами, пропеллерами и др. В Пскове в ночь на 7 января молодежь устроила шествие с факелами, на одной из центральных площадей провела «похороны» контрреволюции и «сожжение богов». В Ярославле в течение трехдневной кампании было прочитано множество лекций о происхождении Рождества, в клубах устраивались костюмированные вечера с постановками. В Ташкенте

²¹. Там же.

у памятника «Революции» комсомольцы торжественно поклялись отречься от религиозных предрассудков и т.д.²²

Поскольку «комсомольское рождество» затягивалось до утра, то предполагалась действительно обширная и разнообразная программа рождественской ночи, которая, по мнению идеологов-антирелигиозников, должна была быть «легкой в смысле сценического исполнения и подвижной в смысле переброски с места на место в течение ночи». Во время проведения «комсомольского рождества» разыгрывались пьесы («Рождественские представления» — Д. Щеглов; «Военный совет на небесах» — Котляревский; «Удивительные путешествия попа» — А. Крайский; «Шкурники» — А. Крайский; «Чудо» — М. Волков²³) и исполнялись песни. С одной стороны, антирелигиозные пьесы и песни представляли собой наиболее доступную для масс трудящихся форму антирелигиозной пропаганды и были ориентированы на широкую рабоче-крестьянскую аудиторию, удовлетворяли, как отмечал Троцкий, их потребность в новом типе «театральности». С другой стороны, в них особым образом выражались хилиастические настроения, характерные для искусства авангарда в целом²⁴ — выражение мечты народных масс о земной справедливости и устранении социального зла.

Мы — комсомольцы, и сегодня
Все собрались на торжество;
Не в праздник рождества господня
А в комсомольцев празднество.

Припев (на мотив песни «Ухарь-купец»)

Не надо нам религий,
Церквей и амулет.
Да скроется сумрак,
Да здравствует свет!
Мы были дети, нам внушали,
Что царь-царей на свете, — бог
И мы, бывало, его сына
Бежали славить со всех ног.

²² Тульцева Л. Комсомольские, антирелигиозные. С. 45.

²³ Комсомольское рождество в клубах. Сборник материалов к празднованию комсомольского рождества / под общ. ред. М. Лисовского. Л., 1925. С. 57.

²⁴ Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М., 2016. С. 26–27.

Припев

Теперь прошли уж заблужденья,
 Не в моде стал и поп с крестом.
 Построим жизнь мы молодую
 Наукой, знанием и трудом.

Припев

Пусть старики нас осуждают,
 И бабки дряхлые клянут,
 Но их угрозы страшным богом
 Нас к жизни старой не вернут.

Припев

Наш комсомол, рабочих дети,
 Дорогу лучшую избрал:
 Учиться и учить другого,
 Кого богатый угнетал²⁵.

Популярными формами антирождественской кампании стали также спортивные мероприятия. Например, такой массовой формой являлись гуляния на катках, где развешивались безбожные лозунги, катающиеся были одеты в антирелигиозные костюмы, вечера заканчивались фейерверком. Журнал «Антирелигиозник» сообщал, что в 1930 году на катке «Красные Хамовники» была проведена инсценировка: боги и попы с церковными песнями бросались, махая крестами, на «пятилетку», после появления отряд буденновцев и давал залп, от выстрела загоралась церковь и сгорала при всеобщем ликовании²⁶.

Несмотря на слова Ярославского о том, что «комсомольское рождество» устраивается «не для издевки над верующими, не для озорства, но для того, чтобы помочь миллионам людей, одурманных религией, освободиться от этого дурмана»²⁷, основная функция этого действия сводилась все же к высмеиванию, дискредитации православно-христианской догматики и обрядности, наступлению на экономическую мощь «мракобесия». Активисты-антирелигиозники, в частности, отмечали, что

²⁵ Против бога, попа и чертей. М.: Изд-во «Труд и книга», 1925. С. 32–33.

²⁶ Шохор В. Учтем опыт антирождественской кампании // Антирелигиозник. 1930. № 3. С. 50.

²⁷ Ярославский Е. М. Против религии и церкви. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1932–1935. С. 14.

в 1928 году содержание попов всех религий обошлось в 250 млн руб.; страховые взносы за 50 000 церквей...— минимум 250 млн простои машин в послепраздничные дни по вине прогульщиков обошлись в 500 млн руб., пьянка в дни религиозных праздников — не менее 250 млн а всего 1 млрд 250 млн руб., то есть сумма, *в три раза* превосходящая затраты того же года на всеобщее обучение (428 000 руб.)²⁸.

«Штурм на религию»²⁹ со стороны комсомольцев вызвал возмущение верующих в различных областях РСФСР. Процент религиозно настроенных граждан в 1920–1930-е годы, как показывали отчеты тех же пропагандистов, был весьма высок. По всему СССР наблюдалось удивительное сочетание сознательного и бессознательного обращения к религии. «Красные обряды» не стали функциональным эквивалентом религиозных ритуалов. В силу этого пропагандистские лозунги о религии как ложном мировоззрении, все разговоры о том, что «религия немыслима без пьянства, без обжорства, без прогулов и резкого понижения производительности труда»³⁰, не имели достаточной поддержки в массах. Как отмечает В. Смолкин, за пропагандистским фасадом жизнь многих советских людей оставалась связанной с религией³¹.

«Комсомольская пасха»

Признав наличие «перегибов» при проведении первого «комсомольского рождества», антирелигиозники тем не менее сочли удачной идею дальнейшего проведения подобных мероприятий, и членами партии было принято решение об организации в 1923 году «комсомольской пасхи»³². Особенно активно высказывался об антирелигиозной пропаганде в дни Пасхи активист С. Худяков. Он призывал при проведении антипасхальных кампаний «избегать трафарета», проявлять максимум инициативы

²⁸ Из блокнота антирелигиозника // Антирелигиозник. 1931. № 4. С. 99–107. С. 105.

²⁹ Peris, D. *Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless*.

³⁰ Тихомиров В. Укрепление антирелигиозного фронта в колхозах Северного края // Антирелигиозник. 1931. № 9. С. 46.

³¹ Смолкин В. Свято место пусто не бывает. С. 224.

³² Шахнович М. Н. Ленин и проблемы атеизма. М., 1961. С. 624.

в деле организации новых форм работы³³. В журнале «Антирелигиозник» Худяков отмечал:

В дни таких религиозных праздников, как «пасха», с особой силой проявляется старый, гнилой быт, с его пьянкой, хулиганством, дебоширством и другими «прелестями» капиталистической старины. Поэтому в антипасхальную кампанию нужно не только бить по этому быту, но и мобилизовать массы за активное участие в перестройке городов, организацию общественного питания, детских садов и яслей, образцовых культурных общежитий и бараков³⁴.

Как и в случае борьбы с православным Рождеством, главная часть программы «комсомольской пасхи» проводилась в ночь праздничного богослужения. Пропагандисты предостерегали: «Красные яички, „святые“ пасхи, куличи будут являться той приманкой, на которые попы будут ловить детей... Будет позором для юного воинствующего безбожника, если он, соблазнившись красным яичком и сладким творогом, позабудет о своем звании и попадет в сети врага»³⁵. Поэтому к участию в «комсомольской пасхе» привлекались различные клубные, школьные кружки, которым отводилась главная роль в подготовительной работе. В школьных антирелигиозных кружках демонстрировались кинофильмы «Загадка жизни», «Саламандра», «9 января», «Бог войны», «Праздник св. Иоргена» и др.³⁶. Сценарий «комсомольской пасхи» включал в себя серию мероприятий, аналогичной «комсомольскому рождеству»: постановку спектаклей и инсценировок атеистического содержания, чтение докладов, проведение естественно-научных и исторических семинаров, демонстрацию кинофильмов с антирелигиозным содержанием. Основные принципы «красной пасхи», реализуемые на территориях Петроградской (Ленинградской) области, в целом соответствовали особенностям проведения

³³ Худяков С. Третий, решающий год пятилетки и антипасхальная кампания // Антирелигиозник. 1931. № 3. С. 10.

³⁴ Худяков С. По-большевистски проведем антипасхальный месячник // Антирелигиозник. 1932. № 5–6. С. 36.

³⁵ Вакурова А. Юные безбожники в антипасхальную кампанию // Антирелигиозник. 1931. № 3. С. 68.

³⁶ Программа школьного религиозного кружка // Антирелигиозник. 1931. № 1. С. 82–90.

такой антирелигиозной идеологической кампании и во многих других регионах РСФСР.

Значительная роль отводилась антирелигиозному кинематографу как наиболее активному средству массовой информации и агитации. Залы кинотеатров становились храмами, в которых исполнялась атеистическая теургия. Сохранившийся документ — монтажный лист немой кинокартины «Комсомольская пасха», снятый на студии Пролеткино в 1925 году, — красноречиво свидетельствует об основных персонажах и сюжетах «антипасхального маскарада». Классовый принцип драматургии в нем был главенствующим: антагонисты рабочего класса в фильме представлены в карикатурном виде, образы рая и ада имманентны миру, Бог дан в образе идола, вера в Бога показана как атавизм.

Кинофильм «Комсомольская пасха» (1925 г.)³⁷

1. Крупный план: «Пасха не святая, наша комсомольская».
2. Стоит земной шар, из него сперва в одну, потом в другую сторону показываются руки. Вверх высывается голова девушки, она смеется.
3. Стоят три шара, из них показываются по человеку, встают, пошли.
4. Стали шары-люди в хоровод, покружились.
5. Сцена. На сцене на веревках подвешан бог и окружающие его монашки.
6. То же.
7. Карикатурная маска «Луша», бегают, вытирают глаза.
8. Сидит на веревках подвешанный кудлатый бог.
9. Из-за дома — появляется другой — расходятся.
10. Сидят две монашки, развели руки, смотрят вверх.
11. Кр. Две пары голых женских ног.
12. Рабочий парень, ему что-то говорит монашка, парень смеется.
13. Парень смеется, крестится монашка. На ней лента с надписью «...церковь».
14. Сидит человек, кругом его несколько рогатых чертей.
15. То же.
16. Кр. Отшатнули в сторону человека, бросился бежать черт.
17. Бросились черти на косматого человека, утащили.

³⁷ Комсомольская пасха. 1925 год. РГАКФД. Фонд кинодокументов. Учетный номер 1783.

18. Тащат черти человека, бросают на пол.

Ил. 1 – Кадр из фильма «Комсомольская пасха» (1925).

Анализ монтажных листов картин «Комсомольское рождество» и «Комсомольская пасха» свидетельствует о том, что эти документальные материалы содержат определенные приемы визуализации религий в кинематографе. Среди них — создание масштабности через показ большого количества персонажей в кадре (шествие костюмированных групп людей); наличие социальных типажей; карнавальность с политическим подтекстом (показ церкви как контрреволюционной силы, а «богов» как знаков культурного прошлого); использование числовых аспектов (ритм, движение, многократное экспонирование) и геометрических фигур (люди-шары); создание образа диковинного через контрасты («деформирующая оптика»), эксцентризизм и цирковая буффонада. Очевидно, что данное кино опиралось на эстетические приемы массового низового зрелища — площадного по своей сути, в котором еще были актуальны элементы народного лубка, балагана, «петрушки». Молодежь в этих картинах оказывается в центре событий, она ощущает себя полноправным хозяином новой действительности, а карнавальная праздничность рождена радостью тотального обновления мира. В совокупности эти особенности и приемы визуализации позволяют, на наш взгляд, определить эксцентрические короткометражные фильмы «Комсомольское рождество» и «Комсомольскую пасху» как яркий феномен отечественного киноавангарда 1920-х годов. Производство подобных фильмов, по всей видимости, можно отнести к первому этапу визуальной антирелигиозной пропаганды в СССР, для которого было характерно также создание карикатурной газет-

но-журнальной иллюстрации («Безбожник», «Безбожник у станка»), безбожных плакатов и пьес.

**От «комсомольских карнавалов»
к «антирождественским» и «антипасхальным»
кампаниям (1930-е гг.)**

Результаты проведения «комсомольских карнавалов» были неоднозначны. В силу отсутствия идеологической определенности и опыта построения псевдорелигиозных ритуалов у ведущих большевистских теоретиков и региональных партийных структур мероприятия сводились к антирелигиозным «маскарадам», деструктивным действиям при проведении «красных» обрядов. Как показала практика, большевики больше времени тратили на дебаты о том, как бороться с религией, нежели на создание позитивной атеистической программы³⁸.

Известно, что антирелигиозные карнавалы не встретили сочувствия у вождя пролетариата В.И. Ленина. Поведение комсомольцев во время безрелигиозного «рождества» и «пасхи» в различных регионах СССР сопровождалось откровенно провокационными действиями: глумлением над чувствами верующих, разгромом православных храмов, срывами рождественских богослужений, массовым сожжением икон на площадях. Неудивительно, что «красные ритуалы», выливавшиеся на практике в «революционное насилие» (В. Беньямин)³⁹, провоцировали раскол в обществе из-за агрессивных действий участников демонстраций. Обнаружилась незаинтересованность новой власти в превращении «комсомольского рождества» и «комсомольской пасхи» в полноценные общественные праздники⁴⁰.

Неслучайно (судя по материалам журнала «Антирелигиозник») после 1925 года в среде самих безбожников происходит отказ от таких наименований, как «комсомольское рождество» и «комсомольская пасха». На смену им пришли понятия «антирождественская» и «антипасхальная» кампании, в рамках которых религиозные праздники превращались в «смотр достиже-

³⁸ Peris, D. *Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless*, p. 108.

³⁹ Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. статей / пер. с нем. И. Болдырева и др. М., 2012. С. 95.

⁴⁰ Слезин А. А. Конфликт поколений в духовной сфере сельского общества второй половины 1920-х годов // Крестьяноведение. 2023. Т. 8. № 1. С. 45–66.

ний», а об успехах проведения этих кампаний сообщала пресса. При этом особое внимание при проведении антирелигиозных акций вновь уделялось детям и молодежи как самостоятельно действующим субъектам истории. Например, в журнале «Антирелигиозник» говорилось о том, что

«за антирождественскую кампанию 1930 года по 29 школам Петроградского района г. Ленинграда было проведено 76 спектаклей... были использованы все виды художественных форм: живгазета, хор, великорусский оркестр, физкультурные выступления, частушки, пеструшка, кукольный театр „По евангелию“, игры, танцы, викторины с призами, художественное рассказывание, декламация, пьески»⁴¹.

В 1932 году пропагандисты продолжали докладывать о том, что

«в Ленинграде антирождественская кампания развернулась с большим подъемом... Облсовет начал подготовку 1 ноября. Для проведения кампании на транспорте организован антирелигиозный агитпоезд. В районы области послано 55 антирелигиозников, 12 художественных антирелигиозных бригад и 20 агитповозок, 10 бригад направлено в национальные районы и колхозы»⁴².

Ил. 2 - Кадр из фильма «Комсомольская пасха» (1925).

⁴¹ Тобрэ. Опыт подведения итогов антирождественских кампаний // Антирелигиозник. 1931. № 3. С. 71.

⁴² Хроника в СССР. Антирождественская кампания в Ленинграде // Антирелигиозник. 1932. № 2. С. 40.

Несмотря на официальные рапорты об успехе проведения безбожных кампаний, в начале 1930-х годов прекратилась практика «комсомольских карнавалов» как средства антирелигиозной пропаганды. Смыслу церковных обрядов представители советской власти так и не смогли противопоставить равнозначное идеологическое содержание. Оптимистический настрой к проведению «красных обрядов» в рядах партии сменился общим признанием большевистскими теоретиками необходимости сосредоточения борьбы с народной религиозностью в рамках естественно-научной пропаганды, борьбы с алкоголизмом, курса ликвидации безграмотности.

Неслучайно в плане работы Центрального совета Союза воинствующих безбожников (СВБ) на 1932 год подчеркивалась необходимость организации проведения различных антирелигиозных кампаний под лозунгом: против пьяных праздников, за стопроцентную явку на работу на предприятиях, совхозах, колхозах и ударную работу в эти дни, в том числе необходимость антирелигиозных кампаний против так называемых «малых праздников»⁴³. В качестве основных практических результатов антирождественских и антипасхальных кампаний рассматривалось широкое развертывание безбожниками социалистического соревнования и ударничества, укрепление трудовой дисциплины на предприятиях, рост и укрепление работы организаций СВБ и, наконец, развертывание культурно-политической массовой антирелигиозной воспитательной работы⁴⁴.

Антирелигиозники отмечали, что «во время самых горящих работ по сельскому хозяйству» крестьяне празднуют 23 православных праздника за полгода (так называемые «общечтимые праздники»: «благовещение», «пасха», «николин день», «вознесения», «троица», «духов день», «владимирская», «иванов день», «петров день», «казанская летняя», «ильин день», «смоленская», «первый спас», «преображения», «успения», «третий спас», «Флор и Лавр», «усекновение главы», «Александр Невский», «рождество богородицы», «воздвижения», «зачатия», «иоаннов день» (Иоанн Богослов), «покров»), поэтому не только к «пасхе» и «рождеству» должна проводиться антирелигиозная работа, но она должна осу-

⁴³ План работы Центрального совета СВБ на 1932 год // Антирелигиозник. 1932. № 2. С. 60.

⁴⁴ Калинин В. О формах и методах работы в антирождественскую кампанию // Антирелигиозник. 1931. № 11. С. 31.

шествляться и *между* пасхой и рождеством, к каждому религиозному дню, систематически и постоянно»⁴⁵.

Одновременно в рамках антирелигиозных кампаний осуществлялась и разработка визуальных средств их проведения, в которой более точно были обозначены идеологические, политические моменты. Поиск иных форм и приемов выразительности в конце 1920-х и первой половине 1930-х годов происходил уже в условиях нового понимания задач визуальной антирелигиозной пропаганды⁴⁶ — ее отхода от схематизма и плакатности, антиклерикального характера и ориентации на марксистско-ленинские идеологические установки⁴⁷. В этот период была четко обозначена и основная проблема визуальной пропаганды, заключавшаяся в том, что культурно выраставшего зрителя переставали удовлетворять поверхностные трактовки сложных вопросов, касающихся религиозного и антирелигиозного мировоззрения. Приведем в связи с этим два примера: создание антирелигиозного кино и организация музейно-выставочной деятельности.

Начиная с 1929 года в рамках проведения антирелигиозных кампаний в пасхальные дни зрителей предлагалось знакомить с антирелигиозными фильмами, непосредственно связанными с естественно-научной тематикой: «Ведьма», «Гроза», «Жизнь моря», «Жизнь и устройство человеческого тела», «Загадка жизни», «Зарождение и развитие человека», «Любовь и природа», «Механика головного мозга», «Морока», «Небо и земля», «Омоложение», «Операция д-ра Воронова», «Проблемы питания»; просветительскими этнографическими фильмами — «Алтай-Кизхи», «Байкал», «Во имя бога (Шахсей-Вахсей)», «К берегам Тихого океана», «Лесные люди», «Сердце Азии» и др.; «идеологически заостренными» художественными фильмами — «Дело с застёжками», «За монастырской стеной», «Овод», «Старец Василий Грязнов», «Чудотворец», «Его превосходительство», «Изпод сводов мечети», «Крылья холопа» и др.⁴⁸. Предполагалось,

⁴⁵ Шишаков В. Нужно еще немало поработать // Антирелигиозник. 1931. № 10. С. 70.

⁴⁶ 15 декабря 1928 года в Москве состоялось совещание работников искусства по вопросу об их участии в антирелигиозной пропаганде, на котором Е. Ярославский отметил крайнюю слабость современного безбожного искусства и заявил о необходимости методологической его проработки.

⁴⁷ Головнева Е. В. Антирелигиозный фильм в СССР (по материалам кинопериодики конца 1920-х — начала 1930-х годов // Религиоведение. 2023. № 3. С. 150–159.

⁴⁸ Список картин к проведению антирелигиозной кампании в связи с пасхальными днями. М.: Теа-кино-печать, 1929.

что антирелигиозное кино нового поколения будет высмеивать и обличать не «попов», а кулаков, нэпманов, иностранных капиталистов, пользующихся поддержкой духовенства, будет выявлять социальную сущность религии. В этом отношении большую ценность приобретали антирелигиозные картины, построенные не на «театральности» и «маскарадности», а на конкретном бытовом, этнографическом и историческом материале⁴⁹.

«Антипасха» в 1932 году предполагала организацию выставки, которую планировали разворачивать на двух сторонах двусторчатого щита, либо на складных листах из плотного картона. Выставка включала подтемы: (1) «На пороге второй пятилетки» — показ успехов на фронтах коллективизации, индустриализации и культурной революции (по конкретным районам); (2) «За третью большевистскую весну» — агитация посредством рисунков и карикатур за успешное выполнение весеннего сева, за выход на работу в дни религиозных праздников, за овладение агротехникой, за посев сверх плана «безбожного га»; показ снимков религиозного вредительства; (3) «Против религии, орудия подготовки войны, — за укрепление обороноспособности СССР» — показ диаграммы роста вооружений капиталистических стран, снимки «попов, благословляющих военные корабли, танки, аэропланы, молебны на военных парадах», агитация за подводную лодку «Винствующий безбожник» и пр.; (4) «Пасха и 1 Мая» — демонстрация классового эксплуататорского содержания пасхальной проповеди, поповского пасхального лозунга «друг друга обьемем», сводка количества увечий из-за пьянки в дни «святой пасхи», включение материалов по новому быту (отказы принимать попа, снятие икон, культурное строительство городов), первомайские лозунги. Содержание каждой темы изменялось в зависимости от целевой аудитории: для женщин-работниц был усилен материал по быту, для школьников — материал о детях. Оформление выставки планировалось делать четким, ярким, выделяя в каждой подтеме центральные фото, снабжая материалы объяснительными текстами, сопровождая выставку «политически заостренным» этикетажем⁵⁰.

⁴⁹ Головнев И. А. Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920–1930-х гг.). СПб.: МАЭ РАН, 2021.

⁵⁰ Коган Ю. Как сделать антипасхальную выставку // Антирелигиозник. 1932. № 5–6. С. 45–48.

Заключение

Как показывает анализ текстовых и визуальных источников, в 1920-е годы «антирелигиозные карнавалы», основанные на инверсии главных христианских праздников (Рождества и Пасхи), рассматривались пропагандистами как эффективное средство конструирования квазирелигиозной модели новой советской реальности. Для них была характерна театрализация как основная форма массовой безбожной работы — с легкими инсценировками под открытым небом, сжиганием чучел, олицетворяющим религию и ее служителей, с использованием элементов народного лубка и балагана, с разыгрыванием пьес и т. п. В то же время, являясь важной частью антирелигиозной пропаганды, «комсомольское рождество» и «комсомольская пасха» в период «социалистической реконструкции» демонстрировали глубокую связь с искусством авангарда, имели экспериментальный характер, порождали иной тип переживания — через приобщение к карнавальному действу, стирающему границы индивидуальности, выражали важные аксиологические установки.

В 1930-е годы в связи с изменением официального партийного социально-экономического курса, прекращением эпохи «религиозного нэпа» (1923–1927)⁵¹ и концентрацией на решении вопроса о коллективизации и индустриализации происходит окончательный отказ от «карнавальности» в советской обрядности в сторону утверждения административно-политического дискурса. В его фокусе оказываются вопросы борьбы с «рождественскими» и «пасхальными прогулами» на предприятиях, с кулацкими религиозными организациями. Концепция «театральности» и «развлекательности», предложенная теоретиками-пропагандистами в 1920-е годы, на фоне сокращения научной дискуссии о роли религиозности и политизации антирелигиозной деятельности утрачивает свое значение. Меняются и способы визуализации: в антирелигиозной визуальной политике 1930-х годов в СССР на первый план выходят вопросы репрезентации классовой, эксплуататорской сущности религии.

⁵¹ Циткилов П. Я. Влияние религиозных норм жизни и общинных традиций на социальный облик советской семьи в 1920-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4 (36). С. 203–230.

Сокращения

СВБ — Союз воинствующих безбожников
РГАКФД — Российский государственный архив
кинофотофонодокументов

Библиография / References

- Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1992.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Азбука, 2021.
- Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. статей / пер. с нем. И. Болдырева и др. М.: РГГУ, 2012.
- Богораз В.Г.* Эволюция религиозных верований. Курс лекций (1927–1928 гг.) / сост. М.М. Шахнович. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019.
- Вакурова А.* Юные безбожники в антипасхальную кампанию // *Антирелигиозник*. 1931. № 3. С. 68–69.
- Головнев И.А.* Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920–1930-х гг.). СПб.: МАЭ РАН, 2021. EDN: XUINHM
- Головнева Е.В.* Антирелигиозный фильм в СССР (по материалам кинопериодики конца 1920-х — начала 1930-х годов // *Религиоведение*. 2023. № 3. С. 150–159. DOI: https://doi.org/10.22250/20728662_2023_3_150; EDN: GRPSXQ
- Головнева Е.В., Мартишина Н.В.* Религиозное познание: сущность, специфика, ареал // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2021. № 2 (31). С. 9–15. DOI: <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-31-9-15>; EDN: YLPWSU
- Из блокнота антирелигиозника // *Антирелигиозник*. 1931. № 4. С. 99–107.
- Калинин В.* О формах и методах работы в антирождественскую кампанию // *Антирелигиозник*. 1931. № 11. С. 31–39.
- Коган Ю.* Как сделать антипасхальную выставку // *Антирелигиозник*. 1932. № 5–6. С. 45–48.
- Комсомольская пасха. РГАКФД. 1925 год. Фонд кинодокументов. Учетный номер 1783.
- Комсомольское рождество-кариавал. 1923 год. РГАКФД. Фонд кинодокументов. Учетный № 1710.
- Комсомольское рождество в клубах. Сборник материалов к празднованию комсомольского рождества / под общ. ред. М. Лисовского. Л., 1925.
- Крупская Н.* Религия и женщина // *Антирелигиозник*. 1927. № 2. С. 3–6.
- Луначарский А.В.* Искусство и религия // *Антирелигиозник*. 1934. № 1. С. 17–23.

- О религии, Христе и Пасхе. Пособие по антирелигиозной пропаганде. М.: Изд-во «Долой неграмотность», 1925.
- План работы Центрального совета СВБ на 1932 год // Антирелигиозник. 1932. № 2. С. 58–63.
- Программа школьного религиозного кружка // Антирелигиозник. 1931. № 1. С. 82–90.
- Против бога, попа и чертей. М.: Изд-во «Труд и книга», 1925.
- Слезин А.А. Конфликт поколений в духовной сфере сельского общества второй половины 1920-х годов // Крестьяноведение. 2023. Т. 8. № 1. С. 45–66. DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-1-45-66>; EDN: ZIMERC
- Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- Список картин к проведению антирелигиозной кампании в связи с пасхальными днями. М.: Теа-кино-печать, 1929.
- Степанов И. «Комсомольское рождество», или Почему бы нам не справлять религиозные праздники // Правда. 1922. 15 ноября. С. 2.
- Тихомиров В. Укрепление антирелигиозного фронта в колхозах Северного края // Антирелигиозник. 1931. № 9. С. 43–49.
- Тобрэ. Опыт подведения итогов антирождественских кампаний // Антирелигиозник. 1931. № 3. С. 70–72.
- Троцкий Л.Д. Вопросы быта: эпоха культурничества и ее задачи. М., 1923.
- Тульцева Л.А. Комсомольские, антирелигиозные [праздники и обряды 20-х годов] // Наука и религия. 1978. № 10. С. 44–45.
- Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М.: «Индрик», 2016.
- Хроника в СССР. Антирождественская кампания в Ленинграде // Антирелигиозник. 1932. № 2. С. 40.
- Худяков С. По-большевистски проведем антипасхальный месячник // Антирелигиозник. 1932. № 5–6. С. 32–37.
- Худяков С. Третий, решающий год пятилетки и антипасхальная кампания // Антирелигиозник. 1931. № 3. С. 6–10.
- Циткилов П.Я. Влияние религиозных норм жизни и общинных традиций на социальный облик советской семьи в 1920-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4 (36). С. 203–230.
- Шахнович М.И. Ленин и проблемы атеизма: Критика религии в трудах В.И. Ленина. М; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Шишаков В. Нужно еще немало поработать // Антирелигиозник. 1931. № 10. С. 70–75.

- Шохин В. К.* Феномен атеистического фидеизма // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. Вып. 2. С. 6–18. DOI: <https://doi.org/10.24411/2541-9587-2018-10001>; EDN: YLTFGX
- Шохор В.* Учет опыт антирождественской кампании // Антирелигиозник. 1930. № 3. С. 47–50.
- Эйзенштейн С. М.* Избранные произведения: в 6 т. М., 1964. Т. 1.
- Юнг К. Г.* Современность и будущее. Минск: Университетское, 1992.
- Ярославский Е. М.* Искусство на службе у религии и искусство безбожное // Антирелигиозник. 1929. № 2. С. 13–17.
- Ярославский Е. М.* Как вести антирелигиозную пропаганду. М.: Безбожник, 1925.
- Ярославский Е. М.* Против религии и церкви. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1932–1935.
- Freeze, G. (2017) Confessions in the Soviet era: Analytical Overview of Historiography, *Russian history* 44(1): 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1163/18763316-04401003>; EDN: YGMCUC
- Peris, D. (1998) *Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless*. Ithaca, NY: Cornell University Press. DOI: <https://doi.org/10.7591/9781501735196>